

Николай Штейнгель

Монархии в координатах

Николай Штейнгель

Монархии в координатах

«Автор»

2026

Штейнгель Н. А.

Монархии в координатах / Н. А. Штейнгель — «Автор», 2026

Сея книга говорит о видах монархия и дает исторические примеры и идёт
рассуждение её плюсов и минусов

© Штейнгель Н. А., 2026

© Автор, 2026

Николай Штейнгель

Монархии в координатах

Монархия — одна из древнейших форм политической организации. На протяжении тысячелетий она обеспечивала преемственность власти, социальный порядок и культурную идентичность. В XX веке монархические институты пережили сокрушительный удар: две мировые войны, революции, деколонизация и идеологическая экспансия республиканизма привели к тому, что на начало XXI века лишь около четверти государств мира формально сохраняют монархическую форму правления, и лишь немногие из них — с реальными полномочиями главы государства.

Однако отказ от монархии не всегда означал прогресс. Переход к парламентским республикам или президентским системам сопровождался в ряде стран гражданскими войнами, экономической нестабильностью и эрозией государственности. Напротив, там, где монархия сохранилась или была восстановлена (Испания, Камбоджа), она нередко выступала фактором национального примирения. Это ставит перед политологом вопрос: каковы сущностные характеристики монархической власти, что определяет её устойчивость или, напротив, её крушение?

Ответ лежит не в плоскости простого противопоставления «монархия против республики». Монархии глубоко различны. В истории существовали образцы жёсткого военно-полицейского деспотизма и образцы ограниченной законом, религией или парламентом власти. Более того, политический спектр монархий простирается от ультраправых абсолютистских моделей до гипотетических ультралевых конструкций, предполагающих соединение монаршего начала с социалистической или даже коммунистической экономикой. Именно эта вариативность делает монархию уникальным объектом сравнительного анализа.

В предлагаемой работе мы предпринимаем систематический обзор пятнадцати идеальных типов монархий, сгруппированных по оси «правые–левые» в соответствии с их отношением к социальной справедливости, объёму властных полномочий монарха и роли религии. Каждый тип рассматривается на конкретных исторических примерах, с разбором социальной структуры, экономической модели, налоговой системы и причин, которые вели к процветанию или краху соответствующего режима.

Наша цель — не апология и не демонизация. Это аналитическая классификация, призванная прояснить внутреннюю логику различных монархических форм, их адаптивные возможности и пределы. Монархия — не архаичный реликт, а изменчивая конструкция, которая в зависимости от контекста может быть и инструментом репрессий, и гарантом стабильности. Понимание этой многоликости необходимо и для исторической науки, и для современной политической практики, где институты часто заимствуются без учёта их реального содержания.

ОТДЕЛ:УЛЬТРОПРАВЫЕ

глава 1(Штыковая монархия)

Штыковая монархия представляет собой политический режим, в котором власть монарха не имеет эффективных правовых, религиозных или моральных ограничений, а её реальной основой служит исключительно вооружённое принуждение. Термин «штыковая» происходит от символического обозначения армии как главного инструмента власти — неотъемлемого

атрибута, на который опирается правитель, лишённый иной легитимности. В отличие от традиционных монархий, где власть освящается религией или обычаем, штыковая монархия возникает в условиях кризиса традиционных скреп и делает ставку на подавление как основной метод управления.

Теоретически штыковая монархия может быть описана через модель, предложенную Карлом Шмиттом в его концепции «чрезвычайного положения». Суверен здесь — тот, кто принимает решение об исключении, и это решение осуществляется силой, а не через правовые процедуры. Постоянное состояние исключения становится нормой: полиция действует вне правовых рамок, цензура носит тотальный характер, судебная система подчинена административному произволу. Монарх при этом является не столько традиционным государем, сколько верховным главнокомандующим, который видит в армии модель для всего общества — дисциплинированную, иерархическую, беспрекословно подчиняющуюся.

Важно отличить штыковую монархию от классического абсолютизма. При абсолютизме (например, во Франции Людовика XIV) власть монарха также юридически безгранична, однако она опирается на религиозную санкцию, династическое право и относительно автономное дворянство, которое имеет свои привилегии и корпоративные институты. Штыковая монархия возникает тогда, когда эти опоры разрушены или поставлены под сомнение — например, после революционных потрясений, которые дискредитировали и церковь, и аристократию, или в ситуациях внешней угрозы, когда требуется максимальная централизация. Тогда единственным гарантом порядка становится армия, и она же превращается в инструмент систематического насилия над обществом.

Хронологически штыковые монархии появляются начиная с XIX века, хотя отдельные элементы можно найти и в более ранние эпохи (например, военные диктатуры в Древнем Риме). Но именно XIX столетие — период между Венским конгрессом и революциями 1848 года — стало золотым веком этого типа в Европе. В это время по всей континентальной Европе утвердились режимы, которые сочетали полицейское государство с военной дисциплиной: Пруссия, Австрия, Россия, а также ряд второстепенных германских государств. Эти монархии провозглашали себя защитниками «порядка» против «анархии», но на практике их главным врагом были любые социальные изменения, модернизация и просвещение.

В XX веке штыковые монархии возникали преимущественно в периоды реакций после гражданских войн или иностранных вторжений, а также в странах с колониальным прошлым, где местные монархи опирались на иностранные военные советники. Однако к середине XX века этот тип стал архаичным, уступив место более изощрённым формам авторитаризма — военным диктатурам и однопартийным системам, которые не требовали сохранения монархического фасада. Тем не менее, как исторический феномен, штыковая монархия заслуживает пристального анализа, поскольку она демонстрирует предел, к которому может прийти власть, лишённая какой-либо ограничительной системы.

Ключевыми признаками штыковой монархии являются:

Отсутствие конституции или её фактическое игнорирование.

Политический сыск как главный инструмент контроля.

Приоритет армии и полиции над гражданскими институтами.

Экономика, ориентированная на военные нужды.

Легитимация через «защиту от внешнего врага» или «спасение от внутреннего хаоса».

Личная диктатура монарха, не связанная даже с династическими условностями.

Эти признаки позволяют диагностировать штыковую монархию как форму, близкую к тоталитарным режимам, но сохраняющую монархический фасад и институт династической преемственности. Её историческое значение — как предупреждение: власть, которая держится только на штыках, обречена на падение, когда штыки перестанут служить

Царствование Николая I является самым полным и последовательным воплощением штыковой монархии в истории Нового времени. Вступив на престол в день подавления восстания декабристов — 14 декабря 1825 года — новый император сделал радикальные выводы из событий, которые он воспринял как покушение на священный порядок. Его девизом, переданным современниками, была фраза: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в неё, пока во мне сохраняется дыхание жизни». Эта фраза стала программой тридцатилетнего царствования, которое вошло в историю как апогей полицейского государства в России.

Николай I начал с перестройки всей системы политического надзора. В 1826 году он учредил Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — специальный орган, который сочетал функции политической полиции, судебного следствия и идеологического контроля. Третье отделение имело своих агентов во всех губерниях, при всех университетах, в армии и даже в церковных учреждениях. Его руководителем стал граф Александр Бенкендорф, который получил от императора негласное право действовать без санкции Сената и любых судебных органов. Жандармский корпус, подчинённый Третьему отделению, стал повсеместной сетью, покрывающей всю империю: к 1850 году в России насчитывалось более 5000 жандармов, которые контролировали не только политическую благонадёжность, но и бытовую жизнь подданных.

Цензура при Николае I достигла невиданного ранее уровня. Цензурный устав 1828 года, известный как «чугунный», фактически запрещал любую критику власти, церкви, дворянства, а также обсуждение конституционных идей, социального неравенства или крестьянского вопроса. Всякая публикация, будь то книга, газета или даже частное письмо, могла быть конфискована, а автор — предан суду или выслан в Сибирь. Особенно жёсткой была цензура исторических трудов: любой намёк на тиранию прежних правителей, на своеволие или на какие-либо альтернативы самодержавию пресекался. Известны случаи, когда запрещались даже школьные учебники, если в них обнаруживалось «вольномудство» — например, упоминание о том, что земля вращается вокруг Солнца, поскольку это противоречило буквальному прочтению Библии и подрывало авторитет церкви, которая была частью государства.

Особую роль в системе контроля играла армия. Николай I был убеждён, что военная дисциплина — идеальная модель для всего общества: чёткая иерархия, беспрекословное подчинение, единообразие и регламентация всех сторон жизни. Он лично принимал парады, вникал в детали строевой подготовки и требовал от гражданских чиновников такой же выправки и исполнительности, как от офицеров. Военные губернаторы были поставлены над многими гражданскими губерниями, а в некоторых регионах (в частности, в Царстве Польском) военное правление стало постоянным. Армия использовалась для подавления любых массовых выступ-

лений, включая незначительные крестьянские волнения, которые при Николае I подавлялись с беспощадной жестокостью.

Однако милитаризация имела и обратную сторону. Содержание огромной армии — более миллиона человек в мирное время — требовало колоссальных расходов, которые достигали 40–50% государственного бюджета. Эти деньги отнимались от просвещения, здравоохранения, строительства дорог и промышленности. К концу николаевского царствования Россия оказалась в состоянии технологического отставания от ведущих европейских держав: в то время как в Англии и Франции строились железные дороги, запускались пароходы и внедрялись новые станки, российская промышленность оставалась преимущественно мануфактурной, использующей крепостной труд. Это отставание особенно остро проявилось в годы Крымской войны (1853–1856), когда российский флот не смог противостоять англо-французскому, а армия оказалась вооружена устаревшими гладкоствольными ружьями против нарезных штуцеров противника.

Внешняя политика Николая I также была агрессивной и основанной на силе. Он активно вмешивался в европейские дела: в 1830 году подавил Польское восстание, упразднив конституцию Царства Польского и превратив его в российскую провинцию; в 1849 году отправил войска в Венгрию для подавления революции, спасая австрийского императора; постоянно угрожал Турции и претендовал на проливы Босфор и Дарданеллы. Эта агрессивность требовала содержания армии в постоянной боевой готовности и порождала конфликты с ведущими европейскими державами, которые в итоге вылились в Крымскую войну, где Россия потерпела сокрушительное поражение.

Но главным итогом николаевского правления стало то, что система, опиравшаяся на страх и подавление, не смогла генерировать ни экономического роста, ни интеллектуального развития, ни социального мира. Крепостное право, которое Николай считал «злом» и «заразой», но не решался отменить, продолжало тормозить развитие страны. Крестьянство не имело никаких прав, рабочий класс только зарождался и был юридически бесправен, дворянство разорялось из-за расточительного образа жизни и неэффективного управления имениями. Интеллигенция, лишённая возможности легального выражения, уходила в подполье, создавая тайные кружки, которые впоследствии стали основой революционного движения. Таким образом, штыковая монархия Николая I создала лишь иллюзию стабильности, которая была разрушена, как только внешние обстоятельства потребовали мобилизации всех ресурсов страны.

Штыковая монархия консервирует сословное деление, которое в других типах монархий уже начинает размываться. Однако в штыковой модели это деление приобретает особую жёсткость и милитаризованную окраску. Каждое сословие получает строго определённые функции и ограничения, которые подкрепляются не только законом, но и повседневным полицейским надзором. Переход из одного сословия в другое почти невозможен, а социальная мобильность сведена к минимуму — за исключением военной службы, которая даёт шанс на продвижение, но только при условии полной лояльности и готовности к доносу.

Дворянство в штыковой монархии сохраняет свои привилегии — владение землями и крепостными крестьянами, освобождение от телесных наказаний, право на занятие высших должностей. Однако эти привилегии теперь обусловлены не происхождением, а лояльностью и службой монарху. Дворянин, который проявляет независимость или критикует власть, может быть лишён своих владений и сослан в Сибирь, как это случилось с декабристами и многими другими. Более того, Николай I сознательно ограничил влияние аристократии, предпочитая опираться на чиновничество, которое было полностью зависимо от царской милости. Военная

служба становится главным карьерным каналом для дворян: офицерский корпус пополняется из дворянских семей, и именно офицеры составляют основную опору трона.

Однако и офицерство находится под постоянным контролем. Политический сыск проникает в армейскую среду; агенты Третьего отделения следят за настроениями в полках, а любое проявление «вольномудства» карается отставкой, разжалованием или ссылкой. Николай I лично утверждал назначения на все ключевые армейские должности и требовал от офицеров не только военной компетентности, но и идеологической благонадёжности. В результате офицерский корпус превращается в дисциплинированную, но пассивную массу, которая не способна к инициативе и риску — что впоследствии проявилось в поражениях Крымской войны.

Духовенство при штыковой монархии также оказывается под жёстким контролем. Хотя православная церковь формально сохраняет свою независимость в вопросах вероучения, на практике она становится частью бюрократической машины. Синод, созданный Петром I, продолжает действовать как государственное ведомство, его решения утверждаются императором. Священники обязаны доносить властям о любых «неблагонадёжных» разговорах, которые они слышат на исповеди — это прямое нарушение тайны исповеди, но церковное руководство не решается протестовать. Монастыри лишаются своей экономической самостоятельности, их земли переходят в государственное управление. Таким образом, церковь теряет свой моральный авторитет и становится просто ещё одним инструментом контроля.

Крестьянство — самый многочисленный и самый угнетаемый класс. В России при Николае I крепостное право сохраняется в полном объёме, несмотря на то, что в Европе оно уже отменено практически во всех странах. Помещик имеет почти неограниченную власть над крестьянами: он может их продавать, ссылать, наказывать физически, вмешиваться в их семейные дела. Кроме того, крестьяне обязаны платить подушную подать, которая с каждым годом растёт, и нести рекрутскую повинность — доставлять новобранцев в армию на 25 лет. Эта повинность фактически была смертным приговором, поскольку из 25-летней службы возвращались немногие. Крестьянские общины, которые раньше обладали некоторой автономией, теперь полностью подчинены власти помещиков и губернских чиновников, а выборные должности в общине утверждаются администрацией.

В начале николаевского царствования было несколько попыток ослабить крепостное право, но они не получили развития. В 1842 году был принят закон об «обязанных крестьянах», который позволял помещикам освобождать крестьян с землёй, но только по собственной воле; эта норма почти не применялась. В 1847 году были разрешены выкупы крестьян для некоторых категорий, но это было лишь каплей в море. Николай I не раз говорил, что крепостное право — это зло, но его отмена «была бы ещё большим злом», поскольку могла бы привести к бунту. Таким образом, крестьянство оставалось в состоянии полурабства, не имея ни гражданских прав, ни экономических стимулов для улучшения хозяйства.

Городские сословия — купцы, мещане, цеховые ремесленники — также подчинены жёсткому регламенту. В России при Николае I гильдии действуют под надзором полиции, а любые собрания или ассоциации запрещены. Купечество, хотя и обладает капиталом, не имеет политического влияния и вынуждено платить высокие пошлины и налоги. Формирующийся рабочий класс — фабричные и заводские работники — юридически приравнивается к крестьянам и лишён права на забастовки, на страхование, на политические выступления. Они живут в казармах при фабриках, получают мизерную зарплату и подвергаются произволу фабрикантов, которые часто являются теми же помещиками или их управляющими.

Особую роль в социальной структуре играет интеллигенция — немногочисленная, но невероятно влиятельная группа. Это выпускники университетов, писатели, поэты, философы, которые пытаются осмыслить российскую действительность. При Николае I университеты лишены автономии, в них вводятся строгие программы, преподаватели обязаны быть политически лояльными. Однако интеллигенция всё равно находит способы выражения: она собирается в частных кружках, пишет нелегальные стихи и статьи, ведёт переписку с западными мыслителями. Николай I воспринимает интеллигенцию как главную угрозу, поэтому Третье отделение следит за каждым студентом, каждым профессором. Многие деятели русской культуры — Пушкин, Лермонтов, Герцен, Огарёв — были под надзором, а некоторые высланы или сосланы.

Таким образом, социальная структура штыковой монархии представляет собой пирамиду, где вершина — монарх и узкая прослойка высших чиновников и генералов, а основание — миллионы бесправных крестьян и рабочих. Между ними находятся промежуточные слои, которые также лишены самостоятельности и полностью зависят от воли монарха. Эта структура создаёт иллюзию порядка, но на самом деле она — пороховая бочка: любые изменения, любые реформы могут вызвать взрыв, поэтому режим стремится к консервации всего и вся, что в конечном счёте ведёт к застою и коллапсу.

Экономика штыковой монархии по сути своей является мобилизационной и милитаризованной. Главная цель, которой подчинены все экономические процессы, — обеспечение военной мощи и поддержание полицейского аппарата. Это означает, что бюджетные приоритеты искажены в пользу оборонных отраслей, а гражданские нужды — здравоохранение, образование, инфраструктура — финансируются по остаточному принципу. В России при Николае I военные расходы составляли около 45–50% всех государственных доходов, а к концу царствования этот показатель вырос до 55%. Для сравнения, расходы на образование не превышали 2–3%, на здравоохранение — менее 1%.

Налоговая система при штыковой монархии носит фискальный и косвенный характер. Основные поступления в казну идут от подушной подати, которая взимается с каждого мужчины крестьянского сословия, независимо от его доходов. Эта подать постоянно растёт: в начале николаевского царствования она составляла около 1 рубля в год, к концу — уже 2 рубля 50 копеек, что для крестьянской семьи было серьёзным бременем. Кроме того, существуют акцизы на водку, соль, табак, а также высокие таможенные пошлины на импортные товары. Прямые налоги на имущество и доходы дворянства и купечества практически отсутствуют, что делает систему крайне несправедливой и создаёт стимулы для уклонения.

Казначейство постоянно испытывает дефицит, который покрывается внешними займами и эмиссией бумажных денег. За три десятилетия правления Николая I государственный долг России вырос в несколько раз, а инфляция привела к обесцениванию денег, что особенно тяжело сказывалось на крестьянах и горожанах, которые получали заработную плату в бумажных ассигнациях, а платить налоги должны были серебром. В 1843 году была проведена денежная реформа, которая попыталась стабилизировать курс, но она лишь частично решила проблему.

Промышленность в штыковой монархии развивается неравномерно и преимущественно под государственным контролем. Крупнейшие металлургические заводы Урала — Демидовские, Строгановские — работают на государственные заказы: они производят пушки, ядра, ружья, сабли, а также железо для судостроения и строительства. Текстильные мануфактуры,

выпускающие сукно и холст для армейского обмундирования, также зависят от государственного заказа. Однако качество продукции низкое, а производительность труда — крайне невысокая, поскольку на заводах используется крепостной труд, который не требует ни квалификации, ни стимулов к улучшению.

Частная инициатива сдавлена цеховыми ограничениями и отсутствием кредита. Купцы, желающие открыть фабрику, сталкиваются с бюрократическими препятствиями: нужно получить разрешение от губернатора и полиции, пройти регистрацию в гильдии, уплатить высокие пошлины. К тому же банковская система в России практически отсутствует: государственный заёмный банк выдаёт ссуды только дворянам под залог имений, а для купцов и промышленников кредит дорог и недоступен. Поэтому большая часть промышленности остаётся в руках государства или приближённых к нему предпринимателей, которые получают монопольные права на те или иные отрасли.

Сельское хозяйство — основа российской экономики — также страдает от отсутствия модернизации. Крепостное право делает труд крестьян малопродуктивным: у них нет стимулов вкладываться в улучшение почвы, в новые орудия и семена, потому что помещик отбирает большую часть урожая в виде оброка или барщины. В результате урожайность в России была значительно ниже, чем в Европе: в среднем 4–5 центнеров с гектара против 10–12 во Франции и Германии. Отсутствие севооборотов, примитивные орудия (соха, борона) и постоянное недоедание крестьян вели к тому, что голод был обычным явлением в неурожайные годы. Николай I пытался бороться с этим, создавая комитеты по улучшению сельского хозяйства, но их меры оставались на бумаге.

Торговля внешняя и внутренняя также находится под контролем государства. Экспорт — главным образом зерно, лён, пенька, сало, лес — приносит значительные доходы, но эти доходы идут не в карман крестьян или помещиков, а в казну через высокие экспортные пошлины. Импорт — промышленные товары, машины, колониальные товары — облагается высокими тарифами, чтобы защитить внутреннего производителя. Однако из-за низкого качества российских товаров и их неконкурентоспособности торговый баланс часто сводится с отрицательным сальдо, и государство вынуждено прибегать к внешним займам. К концу николаевского царствования внешний долг России составлял более 1 миллиарда рублей — огромная сумма, которая становилась непосильным бременем для бюджета.

Таким образом, экономическая модель штыковой монархии характеризуется следующими чертами: мобилизационная направленность (приоритет военных расходов), фискальная эксплуатация (высокие косвенные налоги на бедные слои), государственное предпринимательство (казённые заводы), застой в сельском хозяйстве и слабость частного сектора. Эта модель может функционировать в краткосрочной перспективе, обеспечивая военные кампании, но она не способна генерировать устойчивый рост и делает экономику уязвимой для внешних шоков и технологического отставания. Крымская война показала, что Россия, несмотря на свои гигантские ресурсы, не может конкурировать с промышленно развитыми государствами, у которых экономика опирается на свободный рынок, конкуренцию и инновации.

На протяжении 30 лет правления Николая I штыковая монархия в России демонстрировала внешнюю стабильность: не было крупных восстаний, экономика хотя и медленно, но росла, а армия подавляла любые попытки сопротивления. Однако эта стабильность была крайне хрупкой, поскольку она держалась не на органической лояльности, а на страхе и принуждении. Рассмотрим факторы, которые обеспечивали устойчивость данной модели, и причины её неизбежного краха.

Факторы устойчивости:

Милитаризованный контроль. Разветвлённый аппарат полиции, жандармерии и цензуры действительно предотвращал организацию массовых протестов. Третье отделение, работая эффективно, подавляло любые очаги недовольства в зародыше. Студенческие кружки раскрывались, нелегальные газеты конфисковывались, а декабристы были наказаны показательно, чтобы отбить желание у других.

Внешняя угроза. Постоянная напряжённость на границах и участие в европейских войнах создавали атмосферу осаждённой крепости, которая оправдывала авторитаризм. Общество, опасаясь внешнего врага, было готово терпеть внутренние ограничения. Патриотизм, соединённый с ксенофобией, использовался как средство легитимации.

Отсутствие альтернативы. В начале XIX века альтернативные модели управления (конституция, парламент, выборная власть) были либо неизвестны широким массам, либо ассоциировались с революционной анархией. Большинство дворян, крестьян и чиновников не представляли, как можно управлять без сильного монарха, и поэтому принимали существующий порядок как естественный.

Сословная пассивность. Крестьяне, составлявшие большинство населения, были погружены в рутинную борьбу за выживание и не имели ни образования, ни организации для протеста. Помещики, хотя и имели привилегии, были раздроблены и не могли составить единую оппозицию. Интеллигенция была малочисленна и изолирована.

Финансовая поддержка. Кредиты от европейских банков, хотя и увеличивали долг, позволяли временно сглаживать бюджетные дефициты, а высокие налоги с крестьян обеспечивали текущее функционирование государства.

Факторы краха:

Крымская катастрофа. Поражение в Крымской войне (1853–1856) стало главным ударом по системе. Оказалось, что огромная армия, на содержание которой уходила половина бюджета, небоеспособна: она вооружена устаревшим оружием, обучена старой тактике, ею командуют некомпетентные генералы. Англо-французский флот сжёг Кронштадт, а русские войска не смогли взять Севастополь. Это продемонстрировало не только военную, но и техническую, экономическую и организационную отсталость.

Фискальное истощение. К концу царствования государственный долг вырос до критических размеров, казна была пуста, а новые займы почти невозможны. Экономика не могла больше выносить налогового бремени, и это грозило голодом и бунтами.

Социальное напряжение. Крепостное право, хотя и осуждалось самим Николаем I, сохранялось и вызывало всё большее недовольство крестьян. В различных губерниях вспыхивали локальные волнения, которые подавлялись силой, но число их росло. Помещики также были недовольны: они разорялись из-за непродуктивного труда и требовали либо отмены крепостного права, либо увеличения государственной поддержки.

Идеологическая эрозия. Интеллигенция, несмотря на репрессии, создала мощный пласт критической мысли: Чаадаев с его «Философическими письмами», Герцен с «Колоколом», Белинский с письмом Гоголю — все эти голоса формировали общественное мнение, которое требовало реформ. Штыковая монархия не могла ответить на вызовы времени, потому что она была по своей природе консервативной и антимодернистской.

Отсутствие каналов обратной связи. В штыковой монархии нет ни парламента, ни свободной прессы, ни местного самоуправления, через которые власть могла бы узнавать о потребностях общества и корректировать политику. Монарх окружён придворными и чиновниками, которые говорят ему только то, что он хочет слышать. Поэтому любые проблемы накапливаются, пока не достигают критической массы.

Династическая нестабильность. Штыковая монархия сильно зависит от личности монарха. Николай I был энергичным и жестоким правителем, но его наследник Александр II, хотя и провёл реформы, уже не мог опираться на ту же систему принуждения. Более того, сама династия оказалась скомпрометирована: дворцовые интриги, слухи, заговоры подрывали сакральный авторитет царя, который уже не казался «помазанником Божиим».

В итоге, сразу после смерти Николая I его сын Александр II начал широкомасштабные реформы: отмена крепостного права, судебная реформа, земское самоуправление, ослабление цензуры. Это было не доброй волей, а вынужденной необходимостью: система оказалась перед лицом полного коллапса, и только реформы могли сохранить империю. Однако эти реформы, будучи запоздалыми и половинчатыми, уже не спасли монархию — они лишь отсрочили её падение на полвека.

Сравнение с другими типами. Штыковая монархия отличается от классического абсолютизма (например, Франция Людовика XIV) тем, что последний опирался на религиозную легитимность и аристократические институты, которые придавали власти гибкость. Штыковая монархия лишена этих опор: она держится только на штыках, поэтому её крах неизбежен, как только штыки сломаются или перестанут быть послушными. В отличие от дуалистической монархии, где есть парламентский противовес, штыковая не имеет механизмов адаптации. В отличие от парламентской монархии, она не может трансформироваться в демократическую систему — она может только рухнуть или переродиться в тоталитарную диктатуру.

Вывод по главе: Штыковая монархия — это крайняя форма милитаризованного авторитаризма, которая возникает как реакция на страх перед переменами, но сама же порождает новые страхи и новое насилие. Она способна обеспечивать краткосрочный порядок ценой долгосрочного застоя и отставания. Её историческое значение — как предупреждение о том, что власть, лишённая институциональных, правовых, религиозных и моральных ограничений, становится не инструментом развития, а инструментом угнетения. Она не может быть устойчивой в современном мире, потому что требует всё большего насилия для поддержания себя, а ресурсы насилия ограничены. Поэтому штыковые монархии либо эволюционируют в более гибкие формы (как в России после 1856 года), либо гибнут в революциях (как во Франции в 1848 году).

Глава 2(Абсолютизм)

Абсолютическая монархия, или абсолютизм, представляет собой форму правления, при которой верховная власть в государстве полностью и безраздельно принадлежит монарху, не

ограничена никакими законами, институтами или сословными представительствами. Термин происходит от латинского *absolutus* — «независимый», «неограниченный». В отличие от штыковой монархии, где власть держится на прямом военном принуждении, абсолютизм опирается на развитую идеологию, бюрократический аппарат и, как правило, на религиозную легитимацию. Монарх в абсолютистской системе является не просто главнокомандующим, а источником всякого права, верховным судьёй и законодателем, чья воля имеет силу закона.

Абсолютизм как исторический феномен сложился в Западной Европе в XVI–XVII веках, придя на смену сословно-представительным монархиям. Его возникновение было связано с глубокими социально-экономическими трансформациями: разложением феодальных отношений, ростом городов, развитием товарно-денежных отношений и формированием национальных государств. Королевская власть, опиравшаяся на союз с городами и нарождающейся буржуазией, постепенно подчинила себе феодальную аристократию, ликвидировала политическую автономию провинций и создала централизованный бюрократический аппарат.

Важно провести концептуальное различие между абсолютизмом и самодержавием. В российской историографии эти термины нередко используются как синонимы, однако между ними существуют существенные различия. Европейский абсолютизм складывался как результат борьбы королевской власти с феодальной знатью, при активной поддержке третьего сословия — буржуазии. Это была форма правления, в которой монарх выступал как надсословный арбитр, балансирующий между дворянством и буржуазией. Российское самодержавие, напротив, формировалось на иной основе — патримониальной, где государь воспринимался как «хозяин земли Русской», а все сословия — как его «холопы» и «слуги». В России абсолютизм утвердился позднее, в первой четверти XVIII века, в ходе петровских реформ, и имел более жёсткий, этатистский характер.

Ключевыми признаками абсолютистской монархии являются:

Юридическая неограниченность власти монарха. Монарх не связан никакими законами, кроме тех, которые он сам издаёт. Его воля — высший источник права.

Централизация управления. Все рычаги власти — административной, судебной, финансовой, военной — сосредоточены в руках монарха и его центрального аппарата. Местные органы управления полностью подчинены центру.

Ликвидация сословно-представительных институтов. Парламенты, генеральные штаты, земские соборы либо упраздняются, либо превращаются в совещательные органы, не имеющие реальной власти.

Создание постоянной армии и бюрократии. Абсолютизм опирается не на феодальное ополчение, а на регулярную армию, финансируемую из государственной казны, и на разветвлённый чиновничий аппарат.

Меркантилистская экономическая политика. Государство активно вмешивается в экономику, поощряет промышленность и торговлю, защищает национального производителя протекционистскими тарифами.

Религиозная легитимация. Монарх объявляется «помазанником Божиим», его власть освящается церковью, что придаёт ей сакральный характер и делает сопротивление ей не только политическим, но и религиозным преступлением.

Абсолютизм, однако, не был статичной формой. Он эволюционировал: от «классического» абсолютизма XVII века (Франция Людовика XIV) к «просвещённому» абсолютизму XVIII века (Пруссия Фридриха II, Россия Екатерины II), а затем — к кризису и падению в ходе революций XIX–XX веков. Но в своей классической форме, которая будет рассмотрена в этой главе, абсолютизм представляет собой наиболее последовательное и системное выражение монархического принципа — власть, ничем не ограниченная, кроме воли самого монарха и, в некоторой степени, религиозной традиции.

Классическим и наиболее совершенным воплощением абсолютистской монархии по праву считается Франция эпохи Людовика XIV, известного как «Король-Солнце». Его правление, длившееся 72 года, стало вершиной и одновременно апофеозом французского абсолютизма. Именно Людовик XIV произнёс легендарную фразу «Государство — это я» (*L'État, c'est moi*), которая в сжатой форме выражает суть абсолютистской идеологии: монарх и государство неразделимы, его личная воля есть воля государства.

Людовик XIV вступил на престол в 1643 году в возрасте пяти лет, но реальное правление начал после смерти кардинала Мазарини в 1661 году. Одним из первых его решений стало упразднение должности первого министра — отныне король объявил, что будет править самостоятельно, без посредников. Это был сознательный разрыв с практикой предшественников, которые делегировали значительную часть власти кардиналам Ришелье и Мазарини. Людовик XIV лично председательствовал на заседаниях Государственного совета, контролировал все ключевые назначения и вникал в мельчайшие детали управления.

Центральным элементом его политики стало подчинение аристократии. Французское дворянство, которое в ходе Фронды (1648–1653) продемонстрировало способность к мятежу, было лишено политической самостоятельности. Людовик XIV привлёк знать к своему двору в Версале, превратив его в блестящий, но фактически золотой клеткой. Дворяне, жившие при дворе, были оторваны от своих поместий, находились под постоянным надзором и вынуждены были бороться за королевскую милость. Это была гениальная стратегия: вместо того чтобы подавлять аристократию силой, король сделал её зависимой от себя через систему придворных должностей, пенсий и привилегий.

Параллельно Людовик XIV укреплял бюрократический аппарат. Была создана система интендантов — королевских чиновников, назначаемых непосредственно монархом и подчинённых ему, которые осуществляли управление на местах, контролируя провинциальные власти и собирая налоги. Интенданты не могли быть местными уроженцами, что исключало их сращивание с провинциальной элитой. Они не имели наследственных прав на свои должности и полностью зависели от королевской воли. Это обеспечивало высочайшую степень централизации и контроля над всеми регионами Франции.

Внешняя политика Людовика XIV была агрессивной и экспансионистской. Он вёл четыре крупные войны: Деволуционную войну (1667–1668), Голландскую войну (1672–1678), войну Аугсбургской лиги (1688–1697) и войну за Испанское наследство (1701–1714). Эти войны имели целью расширение границ Франции и установление гегемонии в Европе. Однако они истощили казну и привели к огромным человеческим жертвам. К концу правления Людовика XIV Франция была разорена, а её международное положение ослаблено.

В религиозной политике Людовик XIV также проявил себя как абсолютный правитель. Он стремился к унификации веры внутри страны, преследуя гугенотов — французских протестантов. В 1685 году он отменил Нантский эдикт, который даровал гугенотам свободу вероисповедания, и заменил его Фонтенблоским эдиктом, запрещающим протестантизм. Тысячи гугенотов покинули Францию, эмигрировав в Англию, Голландию, Пруссию и Америку. Это была катастрофа для французской экономики: среди эмигрантов было множество квалифицированных ремесленников, купцов и банкиров.

Культурная политика Людовика XIV была направлена на создание блестящего фасада абсолютистской власти. Версальский дворец, строительство которого продолжалось несколько десятилетий, стал символом величия французской монархии. При дворе процветали искусства: литература, живопись, музыка, театр. Король покровительствовал Мольеру, Расину, Буало, Лебрёну. Однако вся культурная жизнь находилась под строгим контролем: искусство должно было прославлять короля и его режим.

К концу правления Людовика XIV система дала трещину. Неудачные войны, огромные налоги, голод и эпидемии привели к росту недовольства. Король умер в 1715 году, оставив Францию в состоянии глубокого финансового кризиса, с огромным государственным долгом и недовольным населением. Его наследник, Людовик XV, уже не обладал той же волей и харизмой, и французский абсолютизм начал постепенно деградировать, пока не был сметён Великой Французской революцией 1789 года. Однако именно при Людовике XIV абсолютизм достиг своего наивысшего развития и стал образцом для подражания для многих европейских монархов.

Абсолютистская монархия, при всей своей централизации, сохраняла сословное деление общества, которое восходило к средневековью. Однако в условиях абсолютизма это деление претерпело существенные изменения: сословные привилегии теперь не были автономными правами, а становились пожалованиями монарха, которые могли быть отняты. Французское общество эпохи Людовика XIV делилось на три сословия: духовенство, дворянство и третье сословие (все остальные). Но абсолютизм накладывал на эту традиционную структуру свой отпечаток.

Первое сословие — духовенство — формально сохраняло свои привилегии: освобождение от налогов, собственные суды, контроль над образованием и цензурой. Однако при абсолютизме церковь становилась всё более зависимой от государства. Галликанская церковь, хотя и сохраняла организационную автономию от Рима, фактически была подчинена королю. Король назначал епископов и аббатов, контролировал церковные доходы и определял политику церкви. В 1682 году Людовик XIV провозгласил Галликанские статьи, которые ограничивали власть папы во Франции и утверждали верховенство короля в светских делах. Духовенство превращалось из независимой духовной силы в часть государственного аппарата.

Второе сословие — дворянство — при абсолютизме переживало глубокую трансформацию. Традиционное «дворянство шпаги» (родовитая аристократия) постепенно уступало место «дворянству мантии» — чиновникам, получившим дворянство за службу. Людовик XIV сознательно опирался на выходцев из буржуазии, которые были обязаны своим возвышением лично ему и поэтому были более лояльны. Эти новые дворяне заполнили ряды чиновничества, судебных органов и финансового управления. Однако и те, и другие были лишены политической самостоятельности.

Как уже отмечалось, ключевым инструментом контроля над дворянством стал Версальский двор. Здесь, в роскошных апартаментах, сотни аристократов вели бесконечную борьбу за королевские милости, за право подать королю рубашку, за место за королевским столом. Эта система, которую историки называют «придворным абсолютизмом», была блестящим механизмом нейтрализации аристократии. Дворяне тратили колоссальные средства на содержание при Версале, разорялись и попадали в долговую зависимость от королевских банкиров. Их политические амбиции сублимировались в мелочные придворные интриги. Как справедливо отмечает историк Уильям Бейк, успех Людовика XIV заключался в том, что он защищал иерархию и привилегии дворянства, но делал их полностью зависимыми от короны.

Третье сословие — самая многочисленная и разнородная группа. Сюда входили буржуазия (купцы, банкиры, промышленники), ремесленники, крестьяне и городская беднота. При абсолютизме третье сословие не имело политических прав и не было представлено в Генеральных штатах (которые не созывались с 1614 по 1789 год). Однако экономическая роль третьего сословия постоянно возрастала. Буржуазия накапливала капиталы, развивала мануфактуры, контролировала внешнюю торговлю. Королевская власть, проводившая меркантилистскую политику, активно поддерживала буржуазию, предоставляя ей монополии, субсидии и защиту от иностранной конкуренции. В этом смысле абсолютизм был союзником буржуазии в её борьбе против феодальных ограничений.

Однако эта поддержка была избирательной. Буржуазия платила высокие налоги, не имела доступа к высшим государственным должностям и была лишена политического влияния. Крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения, несло основное бремя налогов. Крестьяне платили королевские налоги (*taille*, *capitation*, *vingtième*), церковную десятину и феодальные повинности помещикам. В неурожайные годы голод был обычным явлением, и крестьянские восстания (например, восстание босоногих в 1675 году) жестоко подавлялись.

Городские низы — ремесленники, подмастерья, чернорабочие — также жили в тяжёлых условиях. Цены на хлеб росли, а заработная плата оставалась низкой. В Париже и других крупных городах периодически вспыхивали бунты, но они быстро подавлялись королевскими войсками. Третье сословие, таким образом, было экономически активным, но политически бесправным, что создавало взрывоопасную ситуацию.

Особую роль при абсолютизме играла бюрократия — новый социальный слой, который не вписывался в традиционное сословное деление. Чиновники, интенданты, судьи, сборщики налогов составляли разветвлённую иерархию, подчинявшуюся непосредственно королю. Они были выходцами из разных сословий, но их объединяла общая зависимость от монарха и общий интерес в сохранении существующей системы. Бюрократия стала главной опорой абсолютизма, его «глазами и ушами» на местах.

Таким образом, социальная структура абсолютизма характеризовалась парадоксом: сословное деление формально сохранялось, но фактически все сословия были подчинены монарху и лишены политической самостоятельности. Дворянство было нейтрализовано через придворную систему, духовенство — через государственный контроль, третье сословие — через налоговое бремя и отсутствие представительства. Единственным по-настоящему независимым актором оставался монарх, который, однако, сам был ограничен институциональной логикой созданной им системы.

Экономика абсолютистской монархии базировалась на принципах меркантилизма — экономической доктрины, которая господствовала в Европе в XVI–XVIII веках. Мерканти-

лизм исходил из того, что богатство государства измеряется количеством драгоценных металлов (золота и серебра), которыми оно располагает. Поэтому государство должно активно вмешиваться в экономику, чтобы обеспечить положительный торговый баланс (экспорт превышает импорт), развивать промышленность, защищать внутренний рынок от иностранной конкуренции и захватывать колонии как источники сырья и рынки сбыта.

Во Франции эта политика получила своё наиболее полное воплощение при Людовике XIV, особенно в период деятельности его генерального контролёра финансов Жана-Батиста Кольбера (1665–1683). Кольбер, выходец из буржуазии, провёл серию реформ, которые превратили Францию в ведущую промышленную державу Европы. Его программа включала несколько ключевых направлений.

Промышленная политика. Кольбер поощрял создание мануфактур — крупных предприятий, объединявших десятки и сотни рабочих. Государство предоставляло субсидии, налоговые льготы и монополии предпринимателям, соглашавшимся открывать новые производства. Особое внимание уделялось производству предметов роскоши — шёлка, кружев, гобеленов, стекла, которые должны были заменить импортные товары и приносить доход в казну. Были основаны королевские мануфактуры — Гобеленовская (ковры), Севрская (фарфор), Аррасская (гобелены). Государство также вводило строгие стандарты качества, чтобы продукция французских мануфактур могла конкурировать на европейских рынках.

Торговая политика. Кольбер ввёл высокие протекционистские пошлины на импортные товары, особенно на английские и голландские сукна. Целью было защитить французскую промышленность от конкуренции и стимулировать внутреннее производство. Одновременно государство поощряло экспорт, предоставляя субсидии экспортёрам и заключая торговые договоры с другими странами. Была создана мощная торговая флотилия, а в 1664 году основана Французская Ост-Индская компания, которая должна была конкурировать с голландской и английской Ост-Индскими компаниями в торговле с Азией.

Финансовая политика. Кольбер провёл радикальную реформу налоговой системы. Была введена *capitation* — подушный налог, который должны были платить все подданные, включая дворянство (хотя на практике дворяне платили меньше). Была реформирована система сбора налогов: вместо откупщиков, которые собирали налоги и оставляли себе значительную часть, были созданы государственные службы, которые собирали налоги напрямую в казну. Однако реформы Кольбера натолкнулись на сопротивление привилегированных сословий, и ему не удалось полностью ликвидировать налоговые привилегии дворянства и духовенства.

Инфраструктурная политика. Большое внимание уделялось строительству дорог, мостов, каналов и портов. Был построен канал Южный (канал дю Миди), соединивший Атлантический океан со Средиземным морем, что значительно сократило торговый путь и снизило стоимость перевозок. Строились верфи, укреплялись порты (Брест, Тулон, Рошфор), создавался военный и торговый флот.

Однако меркантилистская политика имела и обратную сторону. Государственное вмешательство в экономику, хотя и стимулировало развитие отдельных отраслей, создавало систему монополий, которая подавляла свободную конкуренцию. Предприниматели зависели от королевских субсидий и привилегий, а не от рыночных стимулов. Это приводило к неэффективности и коррупции.

Кроме того, огромные расходы на войны Людовика XIV подрывали все усилия Кольбера. Содержание армии, строительство Версаля, субсидии промышленности и торговле требовали колоссальных средств. К концу правления Людовика XIV государственный долг Франции достиг астрономической суммы — около 2,5 миллиардов ливров. Ежегодные расходы на обслуживание долга поглощали более половины бюджета. Налоги постоянно росли, что вызывало недовольство населения, особенно крестьян, которые платили основную их часть.

В сельском хозяйстве абсолютизм не проводил глубоких реформ. Франция оставалась аграрной страной, где основой экономики было крестьянское хозяйство. Однако крестьяне были обременены многочисленными повинностями: королевские налоги, церковная десятина, феодальные платежи помещикам. Урожайность была низкой, агротехника оставалась примитивной. В неурожайные годы голод уносил тысячи жизней. Кольбер пытался поощрять сельскохозяйственные улучшения, но его усилия были ограничены сопротивлением помещиков и отсутствием средств.

Таким образом, экономическая модель абсолютизма характеризовалась противоречием: с одной стороны, меркантилистская политика стимулировала развитие промышленности и торговли, создавая предпосылки для капиталистического развития; с другой стороны, налоговое бремя, монополии и милитаризация экономики тормозили рост и создавали социальное напряжение. Абсолютизм был союзником капитализма на ранней стадии его развития, но по мере того, как капитализм укреплялся, он начинал вступать в противоречие с абсолютистскими ограничениями. Это противоречие в конечном счёте привело к революционному взрыву в 1789 году.

Экономика абсолютистской монархии базировалась на принципах меркантилизма — экономической доктрины, которая господствовала в Европе в XVI–XVIII веках. Меркантилизм исходил из того, что богатство государства измеряется количеством драгоценных металлов (золота и серебра), которыми оно располагает. Поэтому государство должно активно вмешиваться в экономику, чтобы обеспечить положительный торговый баланс (экспорт превышает импорт), развивать промышленность, защищать внутренний рынок от иностранной конкуренции и захватывать колонии как источники сырья и рынки сбыта.

Во Франции эта политика получила своё наиболее полное воплощение при Людовике XIV, особенно в период деятельности его генерального контролёра финансов Жана-Батиста Кольбера (1665–1683). Кольбер, выходец из буржуазии, провёл серию реформ, которые превратили Францию в ведущую промышленную державу Европы. Его программа включала несколько ключевых направлений.

Промышленная политика. Кольбер поощрял создание мануфактур — крупных предприятий, объединявших десятки и сотни рабочих. Государство предоставляло субсидии, налоговые льготы и монополии предпринимателям, соглашавшимся открывать новые производства. Особое внимание уделялось производству предметов роскоши — шёлка, кружев, гобеленов, стекла, которые должны были заменить импортные товары и приносить доход в казну. Были основаны королевские мануфактуры — Гобеленовская (ковры), Севрская (фарфор), Аррасская (гобелены). Государство также вводило строгие стандарты качества, чтобы продукция французских мануфактур могла конкурировать на европейских рынках.

Торговая политика. Кольбер ввёл высокие протекционистские пошлины на импортные товары, особенно на английские и голландские сукна. Целью было защитить французскую промышленность от конкуренции и стимулировать внутреннее производство. Одновременно госу-

дарство поощряло экспорт, предоставляя субсидии экспортёрам и заключая торговые договоры с другими странами. Была создана мощная торговая флотилия, а в 1664 году основана Французская Ост-Индская компания, которая должна была конкурировать с голландской и английской Ост-Индскими компаниями в торговле с Азией.

Финансовая политика. Кольбер провёл радикальную реформу налоговой системы. Была введена *capitation* — подушный налог, который должны были платить все подданные, включая дворянство (хотя на практике дворяне платили меньше). Была реформирована система сбора налогов: вместо откупщиков, которые собирали налоги и оставляли себе значительную часть, были созданы государственные службы, которые собирали налоги напрямую в казну. Однако реформы Кольбера натолкнулись на сопротивление привилегированных сословий, и ему не удалось полностью ликвидировать налоговые привилегии дворянства и духовенства.

Инфраструктурная политика. Большое внимание уделялось строительству дорог, мостов, каналов и портов. Был построен канал Южный (канал дю Миди), соединивший Атлантический океан со Средиземным морем, что значительно сократило торговый путь и снизило стоимость перевозок. Строились верфи, укреплялись порты (Брест, Тулон, Рошфор), создавался военный и торговый флот.

Однако меркантилистская политика имела и обратную сторону. Государственное вмешательство в экономику, хотя и стимулировало развитие отдельных отраслей, создавало систему монополий, которая подавляла свободную конкуренцию. Предприниматели зависели от королевских субсидий и привилегий, а не от рыночных стимулов. Это приводило к неэффективности и коррупции.

Кроме того, огромные расходы на войны Людовика XIV подрывали все усилия Кольбера. Содержание армии, строительство Версаля, субсидии промышленности и торговле требовали колоссальных средств. К концу правления Людовика XIV государственный долг Франции достиг астрономической суммы — около 2,5 миллиардов ливров. Ежегодные расходы на обслуживание долга поглощали более половины бюджета. Налоги постоянно росли, что вызывало недовольство населения, особенно крестьян, которые платили основную их часть.

В сельском хозяйстве абсолютизм не проводил глубоких реформ. Франция оставалась аграрной страной, где основой экономики было крестьянское хозяйство. Однако крестьяне были обременены многочисленными повинностями: королевские налоги, церковная десятина, феодалные платежи помещикам. Урожайность была низкой, агротехника оставалась примитивной. В неурожайные годы голод уносил тысячи жизней. Кольбер пытался поощрять сельскохозяйственные улучшения, но его усилия были ограничены сопротивлением помещиков и отсутствием средств.

Таким образом, экономическая модель абсолютизма характеризовалась противоречием: с одной стороны, меркантилистская политика стимулировала развитие промышленности и торговли, создавая предпосылки для капиталистического развития; с другой стороны, налоговое бремя, монополии и милитаризация экономики тормозили рост и создавали социальное напряжение. Абсолютизм был союзником капитализма на ранней стадии его развития, но по мере того, как капитализм укреплялся, он начинал вступать в противоречие с абсолютистскими ограничениями. Это противоречие в конечном счёте привело к революционному взрыву в 1789 году.

Французский абсолютизм просуществовал почти два столетия — с начала XVII века до 1789 года — и пережил несколько кризисов, каждый из которых, однако, не приводил к его падению. Это была удивительно устойчивая система, которая смогла выдержать Фронду, религиозные войны, финансовые кризисы и внешние угрозы. Однако в конечном счёте она рухнула под тяжестью внутренних противоречий. Рассмотрим факторы, которые обеспечивали устойчивость абсолютизма, и причины его неизбежного краха.

Факторы устойчивости:

Сакральная легитимация. Французский король был не просто политическим лидером, но и «помазанником Божиим». Коронация в Реймском соборе с миропомазанием придавала его власти священный характер. Эта сакрализация делала сопротивление королю не только политическим, но и религиозным преступлением. Церковь проповедовала послушание монарху как божественной заповеди.

Разделение и ослабление элит. Абсолютизм сознательно играл на противоречиях между различными группами элит: между старым и новым дворянством, между дворянством и буржуазией, между провинциальной и столичной знатью. Король выступал как арбитр, который раздавал милости и привилегии, сохраняя все группы в состоянии зависимости и конкуренции.

Разветвлённая бюрократия. Абсолютизм создал эффективный бюрократический аппарат, который пронизывал всю страну. Интенданты, субделегаты, сборщики налогов, судьи — все они были назначены королём и подчинялись ему. Эта система обеспечивала сбор налогов, поддержание порядка и реализацию королевской воли на местах.

Военная сила. Регулярная армия, созданная при Людовике XIV, была самой мощной в Европе. Она не только защищала страну от внешних врагов, но и служила инструментом внутреннего подавления. Армия была лояльна королю, поскольку офицеры назначались им и получали от него жалованье и чины.

Идеологический контроль. Абсолютизм контролировал образование, печать, театр. Академии, университеты, церковные школы воспитывали подданных в духе преданности монарху. Искусство прославляло короля и его режим. Любая критика власти пресекалась цензурой и полицией.

Факторы краха:

Финансовый кризис. Непомерные расходы на войны и двор привели к колоссальному государственному долгу. К 1789 году дефицит бюджета достиг 200 миллионов ливров, а расходы на обслуживание долга составляли более 50% бюджета. Налоги были доведены до предела, но их сбор сталкивался с сопротивлением привилегированных сословий, которые отказывались платить.

Социальная несправедливость. Налоговая система была крайне неравномерной: дворянство и духовенство практически не платили налогов, тогда как крестьяне и горожане несли основное бремя. Это вызывало острое недовольство, которое нарастало десятилетиями. Третье сословие, которое составляло 98% населения, не имело политических прав и не было представлено в управлении.

Идеологическая эрозия. В XVIII веке идеи Просвещения — свобода, равенство, народный суверенитет — подрывали основы абсолютистской идеологии. Вольтер, Руссо, Монтескьё, Дидро критиковали абсолютизм, церковь и сословные привилегии. Их книги, хотя и запрещались, распространялись нелегально и находили отклик в образованных кругах.

Кризис легитимности. Сакральный авторитет монарха постепенно разрушался. Личные скандалы (например, «дело об ожерелье»), неудачная внешняя политика, финансовые махинации при дворе подрывали доверие к королевской власти. Людовик XVI, в отличие от своего предшественника, не обладал харизмой и не мог эффективно управлять.

Сопrotивление элит. Парламенты (судебные органы, которые регистрировали королевские указы) всё чаще отказывались утверждать новые налоги, ссылаясь на «фундаментальные законы» королевства. Это был симптом кризиса: даже те институты, которые создавались абсолютизмом, начинали выступать против него.

Внешние факторы. Французская помощь американским колонистам в войне за независимость (1776–1783) истощила казну и привела к новым займам. Кроме того, пример американской революции вдохновил французских либералов и показал, что сопротивление монархии возможно и успешно.

Сравнение с другими типами. Абсолютизм отличается от штыковой монархии тем, что он опирается не только на военную силу, но и на идеологию, бюрократию и сакральную легитимацию. Это делает его более устойчивым: штыковая монархия держится на страхе, абсолютизм — на страхе и вере. Однако абсолютизм уступает дуалистической и парламентской монархиям в способности к адаптации. Дуалистическая монархия, имея парламентский противовес, может проводить реформы и снимать социальное напряжение. Абсолютизм же, не имея механизмов обратной связи, накапливает проблемы, пока они не становятся неразрешимыми.

В отличие от самодержавия, европейский абсолютизм был более гибким и опирался на более широкую социальную базу (включая буржуазию). Однако эта гибкость имела пределы: абсолютизм не мог выйти за рамки сословного общества, поскольку его легитимность была основана на сохранении сословных привилегий. Попытки реформ (например, реформы Тюрго в 1770-х годах) наталкивались на сопротивление дворянства и духовенства, которые защищали свои привилегии.

Вывод по главе: Абсолютистская монархия представляет собой наиболее развитую и системную форму неограниченной монархической власти. В отличие от штыковой монархии, она опирается не только на насилие, но и на идеологию, бюрократию и религиозную легитимацию. Это делает её более устойчивой и эффективной в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Однако отсутствие институциональных ограничений и механизмов обратной связи делает абсолютизм уязвимым для долгосрочных кризисов. Французская революция показала, что абсолютизм, даже в самой совершенной форме, не может бесконечно игнорировать социальные изменения и требования справедливости. Его историческое значение — в том, что он создал предпосылки для формирования национальных государств, централизованных бюрократий и современной экономики, но при этом сам оказался жертвой тех сил, которые он породил.

Самодержавие представляет собой уникальную форму монархического правления, сложившуюся в России и не имеющую прямых аналогов в западноевропейской политической традиции. В Большой российской энциклопедии самодержавие определяется как государственный строй, при котором носителю верховной власти — великому князю, царю или императору — принадлежали верховные права в сфере законодательства, суда, выработки и реализации стратегического курса внутренней и внешней политики. Однако это формально-юридическое определение не передаёт всей глубины и своеобразия данного феномена.

Ключевое отличие самодержавия от западноевропейского абсолютизма заключается в его духовной и нравственной природе. Как отмечает исследователь Д.А. Хомяков, для европейского абсолютизма важны были военный гений, личная доблесть и талант монарха, в то время как для самодержавия определяющим оказывается духовное общение и единство народа и монарха. Самодержец не просто правитель, но выразитель единства той общности, которую он возглавляет; он должен чутко улавливать потребности народа. Это принципиальное различие: европейский абсолютизм — это юридическая конструкция, в то время как русское самодержавие — органическое единство власти и народа.

Феноменальность самодержавия заключается в его существовании в России как формы правления на протяжении многих веков и оказании огромного влияния на развитие общества, культуры, искусства и образа жизни. Центральная идея самодержавной концепции — представление государственной власти как дара Божьего. Царь воспринимался не просто как политический лидер, но как помазанник Божий, представитель Бога на земле. Эта сакрализация власти придавала ей совершенно иной характер, нежели в западноевропейских монархиях, где король хотя и освящался церковью, но оставался прежде всего светским правителем.

В истории самодержавия прослеживаются несколько этапов. Первый этап — самодержавная монархия с сословным представительством (конец XV — начало XVIII века), в рамках которой государь правил при участии Боярской думы, а по ряду вопросов и Земских соборов. Второй этап — абсолютная монархия (XVIII век — 1905 год), когда императорская власть, хотя формально и считалась неограниченной, по существу была ограничена Верховным тайным советом в 1726–1730 годах, Кабинетом министров в 1731–1741 годах, а с XIX века — возrastавшей ролью права, высших и центральных государственных учреждений, а также общественного мнения. Третий этап — фактически дуалистическая конституционная монархия после принятия Манифеста 17 октября 1905 года, когда император разделял законодательную власть с Государственной думой и Государственным советом.

Важно подчеркнуть: самодержавие не тождественно деспотии или произволу. Как справедливо отмечал русский мыслитель Л.А. Тихомиров, самодержавная монархия качественно превосходит другие типы монархий — европейский абсолютизм и восточный деспотизм, а также другие формы верховной власти — демократию и аристократию. В отличие от абсолютизма, который опирался на относительно развитую правовую систему и был более или менее ограничен законом, русское самодержавие имело свои положительные стороны, связанные с нравственной ответственностью монарха перед Богом и народом.

Идеал самодержавной власти русские мыслители видели в православном христианстве. Власть самодержавного монарха не основана на привилегиях — это власть христианского подвижника, базирующаяся на единстве нравственного идеала монарха и народа. Монарх не является хозяином страны, а является её слугой — слугой Божиим, слугой народа, слугой

правды. Именно это нравственное измерение делает самодержавие принципиально отличным от западного абсолютизма и делает его оптимальной формой правления для России.

Наиболее полным и последовательным воплощением самодержавного принципа в его чистой, неискажённой форме является период Московского царства XVI–XVII веков, особенно царствование Ивана III, Ивана IV (Грозного) и Алексея Михайловича. Именно в этот период сложилась та модель власти, которую русские мыслители впоследствии считали идеальной.

Эволюция российской государственности в XVII веке представляла собой движение по направлению к самодержавию. Из сословно-представительной монархии, где власть монарха сочеталась с органами сословного представительства (дворян, духовенства, горожан), она постепенно становилась монархией самодержавной. Однако в отличие от западного абсолютизма, который также складывался в этот период, русское самодержавие сохраняло связь с народом через Земские соборы и Боярскую думу.

Важнейшей вехой в становлении самодержавия стало принятие Соборного уложения 1649 года — свода законов Русского государства, который оставался основным законом в России до первой половины XIX века. В этом документе впервые на законодательном уровне преступление против царя и его семьи приравнивалось к преступлению против государства. Царь переставал быть просто крупнейшим феодалом — он становился воплощением государственности. Одновременно в Уложении подробно прописывался сложный и пышный церемониал, связанный с монархом, что подчёркивало его сакральный статус.

В середине XVII века меняется титул монарха. Ранее — «Государь всея Руси», теперь — «Божьей милостью Великий государь, князь и великий царь всея великая, и малая, и белая Руси самодержец». В новом титуле обращает на себя внимание преамбула «Божьей милостью» — апелляция к Богу, свидетельство того, что на престоле не просто смертный человек, а помазанник Божий. И второе — новый элемент титула — слово «самодержец». Это было не просто формальное изменение, а утверждение нового понимания царской власти.

Царь Алексей Михайлович, отец Петра I, стал своего рода «зеркалом» российского самодержавия. В его правление крепостное право из хозяйственной льготы превратилось в экономический уклад, каждая общественная группа сверху донизу заняла своё особое место в социальной иерархии, а верховная власть добила сплочения вокруг себя правящей верхушки — родовитого боярства и служилого дворянства. При этом царь оставался надсословным арбитром, к которому могли апеллировать все подданные, независимо от их социального положения.

Важнейшей составляющей самодержавной идеологии была концепция симфонии властей, унаследованная Россией от Византии. Согласно этой концепции, светская и духовная власти — царство и священство — являются двумя дарами Бога, действующими в согласии друг с другом. Царь — защитник Церкви, но не её глава; патриарх — духовный наставник царя. Это не подчинение Церкви государству и не подчинение государства Церкви, а гармоничное сосуществование двух властей, каждая из которых действует в своей сфере, но обе служат одной цели — благу человека и спасению его души. Исторически государственность России формировалась именно в контексте этой модели симфонии властей, унаследованной вместе с православием у Византии.

Однако уже в XVII веке наметились тенденции к нарушению симфонии. Конфликт между царём Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном показал, что гармония между

светской и духовной властью хрупка. Никон стремился к возвышению церковной власти над светской, что противоречило византийской традиции. В конечном счёте верх одержала модель цезарепапизма — подчинения церкви государству, что подготовило почву для петровских реформ, которые окончательно сломали симфонию.

Тем не менее, допетровское самодержавие остаётся историческим идеалом, к которому апеллировали русские мыслители на протяжении всего XIX и XX веков. Это была власть, ограниченная не законами и не парламентом, а совестью, традицией и религиозным чувством. Царь не мог нарушать заповеди, потому что он был помазанником Божиим, и любое нарушение божественного закона лишало его сакрального статуса. Это был тот нравственный ограничитель, который отсутствовал в европейском абсолютизме и который был утрачен в России после Петра I.

Социальная структура самодержавной России принципиально отличалась от социальной структуры западноевропейских абсолютистских монархий. Если во Франции абсолютизм складывался как союз королевской власти с буржуазией против феодальной аристократии, то в России самодержавие формировалось как патримониальная, вотчинная власть московских государей. Это было отражением сложного процесса «собираания» русских земель и постоянной необходимости обороняться против сильных противников.

В России все социальные группы, от крестьян до бояр, воспринимались как «слуги» и «холопы» государя. Не было независимых от власти собственников, которые могли бы стать основой формирования гражданского общества. Это коренное отличие от Запада, где существовала традиция частного права и независимого дворянства. Как справедливо отмечал Р. Хелли, самодержавная монархия опиралась на традицию патримониального государства, что делает её гораздо более сложным явлением, чем просто реликтом ретроградного прошлого.

Дворянство при самодержавии не было независимым сословием, как в Европе. Русское дворянство было служилым сословием: его привилегии были обусловлены службой государю, а не происхождением. Поместья давались за службу и могли быть отняты. Это создавало прямую зависимость дворян от монарха и исключало возможность формирования независимой аристократической оппозиции. В XVI–XVII веках шёл процесс сплочения вокруг верховной власти правящей верхушки — родовитого боярства и служилого дворянства. Однако даже бояре, самые знатные люди государства, были лишь «холопами» государя и не могли противопоставить ему свою волю.

Крестьянство при самодержавии постепенно закрепощалось. Соборное уложение 1649 года окончательно оформило крепостное право. Крестьяне были прикреплены к земле и к помещику, который выступал как агент государственной власти в деревне. Однако важно понимать: крепостное право в России не было следствием злой воли помещиков — оно было инструментом государственного строительства. Государству нужны были налоги и рекруты, и крепостное право обеспечивало фиксацию населения на местах для эффективного сбора податей. При этом крестьянская община сохраняла значительную автономию во внутренних делах, и царь часто выступал как защитник крестьян от помещичьего произвола. Эта патерналистская модель — «царь — отец народа» — была важнейшим элементом самодержавной легитимности.

Посадские люди — купцы, ремесленники, горожане — также были включены в систему государственной службы. Они платили налоги (тягло), несли повинности и не имели права свободно передвигаться. Однако в отличие от Запада, где города были центрами независимой

буржуазной активности, русские города были прежде всего административными и военными центрами. Торговля и ремесло развивались под контролем государства, и крупные купцы часто выступали как агенты казны, выполняя государственные подряды.

Духовенство при самодержавии до Петра I сохраняло значительную самостоятельность. Концепция симфонии властей предполагала равенство священства и царства. Церковь имела собственные суды, собственное землевладение, собственные образовательные учреждения. Патриарх был независимой фигурой, которая могла обличать царя за нарушение божественных заповедей. Однако уже в XVII веке эта независимость начала ослабевать, и церковь всё больше становилась частью государственного аппарата.

Интеллигенция как социальный слой в допетровской России ещё не сформировалась. Образование было монополией церкви, и светской интеллигенции не существовало. Это также отличало Россию от Запада, где уже в XVI–XVII веках сложился слой светских интеллектуалов, которые могли критиковать власть. В России критика власти была возможна только с религиозных позиций — как обличение царя за нарушение божественного закона.

Таким образом, социальная структура самодержавия представляла собой пирамиду, где все сословия были включены в систему государственной службы и не имели независимых от государства прав. Однако при этом сохранялась прямая связь между монархом и народом: царь воспринимался как отец всех подданных, и к нему можно было апеллировать против произвола местных властей. Эта патерналистская модель была одновременно и силой, и слабостью самодержавия — силой потому, что обеспечивала легитимность власти в глазах народа, слабостью потому, что не оставляла пространства для гражданской активности и самоорганизации.

Экономика самодержавной России принципиально отличалась от экономики западноевропейских абсолютистских монархий. Если во Франции меркантилизм был инструментом обогащения государства и буржуазии, то в России экономика была прежде всего инструментом выживания и мобилизации ресурсов для внешней обороны. Как справедливо отмечает американский историк Маршалл По, самодержавие обеспечивало мобилизацию скудных российских ресурсов для противостояния экспансии Запада. Это был не выбор, а необходимость: Россия на протяжении всей своей истории была вынуждена обороняться против сильных противников на всех границах.

Землевладение и аграрный сектор. Основой экономики самодержавной России было сельское хозяйство. Земля находилась в условном владении — помещики владели ею постольку, поскольку служили государю. Поместная система, сложившаяся в XVI веке, означала, что земля давалась за службу и могла быть отнята. Это исключало формирование независимого земельного дворянства, которое могло бы противопоставить себя государству. Крестьянство было прикреплено к земле через крепостное право, что обеспечивало стабильность налоговых поступлений и рекрутских наборов.

Крепостное право из хозяйственной льготы постепенно превратилось в экономический уклад. Помещик получал право распоряжаться трудом и личностью крестьянина, что создавало условия для внеэкономического принуждения. Однако важно понимать: крепостное право не было просто формой эксплуатации. Оно было частью государственной системы, обеспечивавшей фискальную и военную стабильность. Государство нуждалось в налогах, и крепостное право позволяло эффективно собирать их, прикрепляя плательщика к месту.

Промышленность в допетровской России была преимущественно ремесленной и мануфактурной. Крупные предприятия — металлургические заводы, текстильные мануфактуры — работали преимущественно на государственные нужды: производство оружия, сукна для армии, кораблестроение. Частная инициатива была ограничена цеховыми рамками и отсутствием кредита. Однако уже в XVII веке начали появляться первые мануфактуры, основанные на наёмном труде, что свидетельствовало о зарождении капиталистических отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.